

**ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ТРИСТА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТОМ
ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ,**

состоявшемся во Дворце Наций, в Женеве,
в четверг, 10 апреля 1986 года,
в 10 ч 30 мин

Президент: г-н С.А. де Соуза э Сильва (Бразилия)

СПИСОК ЛИЦ, ПРИСУТСТВОВАВШИХ НА ЗАСЕДАНИИ

<u>Австралия:</u>	г-н Р. БАТЛЕР г-н Р.А. РОУВ г-н М. ЛЕТТС
<u>Алжир:</u>	г-н Н. КЕРРУМ г-н А. БЕЛАИД
<u>Аргентина:</u>	г-н М. КАМПОРА
<u>Бельгия:</u>	г-н К. КЛЕРКС
<u>Бирма:</u>	У-МИА ТАН ДАУ АЙЕ АЙЕ МУ У ХЛА МИИН
<u>Болгария:</u>	г-н В. БОДЖИЛОВ г-н Р. ДЕЯНОВ
<u>Бразилия:</u>	г-н С.А. ДЕ СОУЗА Э СИЛЬВА г-н С.М. ТОМПСОН ФЛОРЕС г-н С. ДЕ КЕЙРОС ДУАРТЕ г-н Ф. Х. КАРВАЛЬО ЛОПЕС
<u>Венгрия:</u>	г-н Д. МЕЙСТЕР г-н Ф. ГАЙДА г-н Т. ТОТ
<u>Венесуэла:</u>	г-н А. ТАЙЛХАРДАТ г-жа Х. КЛОВЕРТ ГОНСАЛЕС
<u>Германская Демократическая Республика:</u>	г-н Х. РОЗЕ г-н В. КРУТШ г-н Й. ДЕМБСКИ
<u>Федеративная Республика Германии:</u>	г-н В. БОЛЕВСКИ г-н В.Н. ГЕРМАН г-н Х. ПЕТЕРС
<u>Египет:</u>	г-н М. БАДР г-н Ф. МОНИБ
<u>Заир:</u>	г-н О.Н. МОНШЕМВУЛА
<u>Индия:</u>	г-н Ш. КАНТ ШАРМА

СПИСОК ЛИЦ, ПРИСУТСТВОВАВШИХ НА ЗАСЕДАНИИ

<u>Индонезия:</u>	г-н С. СУТОВАРДОЙО г-н А.М. АКБАР г-н С. САРЕБИНИ г-н А.М. ФАШИР
<u>Исламская Республика Иран:</u>	г-н А. ШАФИИ
<u>Италия:</u>	г-н Р. ФРАНЧЕСКИ г-н Ф. ПЬЯГЕЗИ г-н М. ПАВЕЗЕ г-н Э. СИВИЕРО г-н Дж. АДОРНИ БРАЧЕЗИ
<u>Канада:</u>	г-н Дж. А. БИСЛИ г-н А. ДЭПРЭ
<u>Кения:</u>	г-н Д.Д. АФАНДЕ г-н Р.Н. МВАУРА
<u>Китай:</u>	г-н ЦЯНЬ ЦЯДУН г-н ХУ СЯОДИ г-н ША ЦЗУКАН г-жа ВАН ЧЖИОНЬ г-н ТАНЬ ХАНЬ г-н ЛЮ ЧЖУНЖЕНЬ г-н ЛИ ДАОЧЖУН г-н ЯН МИНЛЯН г-н СО КАЙМИН
<u>Куба:</u>	г-н К. ЛЕЧУГА ЭВИА г-н П. НУНЬЕС МОСКЕРА
<u>Марокко:</u>	г-н О. ХИЛАЛЬ
<u>Мексика:</u>	г-н А. ГАРСИА РОБЛЕС г-жа С. ГОНСАЛЕС И РЕЙНЕРО г-н П. МАСЕДО РИБА
<u>Монголия:</u>	г-н Л. БАЯРТ г-н С.-О. БОЛД
<u>Нигерия:</u>	г-н Б.О. ТОНВЕ г-н У.А. БАРАЙЯ
<u>Нидерланды:</u>	г-н Я. РАМАКЕР г-н Р. МИЛДЕРС

СПИСОК ЛИЦ, ПРИСУТСТВОВАВШИХ НА ЗАСЕДАНИИ

<u>Пакистан:</u>	г-н К. НИАЗ
<u>Перу:</u>	г-н Х. ГОНСАЛЕС ТЕРРОНЕС
<u>Польша:</u>	г-н Я. РЫХЛЯК
<u>Румыния:</u>	г-н Г. КИРИЛА г-н ДОГАРУ
<u>Соединенное Королевство:</u>	г-н Р.Я.Т. КРОМАРТИ г-н Р. Дж. С. ЭДИС г-н Я.П. ЧАЛМЕРС г-н Д.А. СЛИН
<u>Соединенные Штаты Америки:</u>	г-н Д. ЛОВИЦ г-н Р. ГУГ г-н Р. БОВЕН г-н Л. БЕЛГАРД г-н Р. ЛЕВИН г-н Дж. ГРАНДЖЕР
<u>Союз Советских Социалистических Республик:</u>	г-н В.Л. ИСРАЭЛЯН г-н Б.П. ПРОКОФЬЕВ г-н С.Б. БАЦАНОВ г-н Е.К. ПОТЯРКИН г-н Н.П. СМИДОВИЧ
<u>Франция:</u>	г-н Ж. МОНТАСЬЕ г-н Ю. РЕНИ
<u>Чехословакия:</u>	г-н А. ЦИМА
<u>Швеция:</u>	г-н Р. ЭКЕУС г-н Г. БЕРГЛУНД
<u>Шри Ланка:</u>	г-н П. КАРИЯВАСАМ
<u>Эфиопия:</u>	
<u>Югославия:</u>	г-н К. ВИДАС г-н М. МИХАЙЛОВИЧ г-н Д. МИНИЧ
<u>Япония:</u>	г-н М. КОНИШИ г-н К. КУДО

СПИСОК ЛИЦ, ПРИСУТСТВОВАВШИХ НА ЗАСЕДАНИИ

Генеральный секретарь
Конференции по разоружению и
личный представитель
Генерального секретаря:

г-н М. КОМАТИНА

Заместитель Генерального
секретаря Конференции по
разоружению:

г-н В. БЕРАСАТЕГИ

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Объявляю 355-е заседание Конференции по разоружению открытым.

В соответствии со своей программой работы сегодня Конференция продолжит рассмотрение пункта 6 "Эффективные международные соглашения, с тем чтобы дать государствам, не обладающим ядерным оружием, гарантии против применения или угрозы применения ядерного оружия" и пункта 8 "Всеобъемлющая программа разоружения". Однако при желании в соответствии с правилом 30 Правил процедуры любой представитель может поднять любой вопрос, имеющий отношение к работе Конференции.

В списке выступающих на сегодня у меня значатся представители Союза Советских Социалистических Республик и Венгрии, а также Генеральный секретарь Конференции, который сделает заявление в связи с финансовым положением Организации Объединенных Наций.

Сейчас я предоставляю слово представителю Советского Союза Его Превосходительству послу Израэлю.

Г-н ИСРАЭЛЯН (Союз Советских Социалистических Республик): Уважаемый г-н Президент, разрешите от имени делегации СССР поздравить Вас с занятием этого высокого поста. Хотелось бы также поблагодарить Вашего предшественника представителя Бельгии посла Клеркса.

Советская делегация выступает сегодня по пункту 2 повестки дня Конференции по разоружению "Прекращение гонки ядерных вооружений и ядерное разоружение".

15 января с.г. Советский Союз выдвинул конкретную, рассчитанную на период до 2000 года программу поэтапной ликвидации ядерного оружия во всем мире. В послании Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева Конференции по разоружению 18 февраля с.г. подчеркивается: "Настало время, когда мы сообща должны крупными шагами двинуться к освобождению планеты от ядерного и иного оружия, с тем чтобы безопасность для каждого означала и безопасность для всех".

Советская делегация в своих выступлениях на сессии уже изложила содержание этой программы. Заявление М.С. Горбачева от 15 января было распространено в качестве официального документа Конференции (CD/649).

Готовя программу ядерного разоружения, внося ее на переговоры, мы рассчитывали на позитивный, заинтересованный отклик, на то, что она сфокусирует внимание государств, мировой общественности на самой насущной задаче. Мы рады, что не ошиблись.

Мы выражаем особую признательность братским социалистическим странам, поддержавшим программу полной ликвидации ядерного оружия на Земле.

Мы благодарим неприсоединившиеся и нейтральные страны, позитивно откликнувшиеся на нашу инициативу. Заявления представителей Кубы, Индии, Алжира, Мексики, Аргентины, Шри Ланки, Швеции, Египта, Пакистана, Марокко и многих других свидетельствуют о созвучности нашей программы чаяниям движения неприсоединения.

(Г-н Исразлян, СССР)

Мы с интересом отметили и должным образом изучаем положительные комментарии ряда западных стран. Надеемся, что в этих комментариях проявилась ответственность за судьбы мира, искреннее желание к снижению и устранению опасности ядерной катастрофы путем ликвидации ядерного оружия.

В Советском Союзе не остались без внимания высказывания руководителей США, в том числе президента Р. Рейгана, о приверженности цели полной ликвидации ядерного оружия. Президент США Р. Рейган в 1983 году заявил: "Нашей текущей целью должно быть сокращение ядерного оружия. И я считаю, что мы не должны никогда отклоняться от конечной цели запретить его на Земле". Выступая здесь, на Конференции, директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению К. Эдельман, представляя стратегическую доктрину США, сказал, что "мир, свободный от ядерного оружия, является нашей конечной целью, в отношении которой мы, Советский Союз и все другие государства могут прийти к согласию".

Мы считаем принципиальной и практически значимой договоренность, отраженную в совместном советско-американском заявлении 8 января 1985 года, о том, что в "конечном итоге, по мнению сторон, предстоящие переговоры, как и вообще усилия в области ограничения и сокращения вооружений, должны привести к ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду". На встрече в Женеве Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и президента США Р. Рейгана было достигнуто взаимопонимание сторон о том, что

- ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей;
- о важности предотвращения любой войны между ними - ядерной или обычной;
- об отказе от стремления к достижению военного превосходства.

Мы исходим из того, что совместное заявление от 21 ноября - это ко многому обязывающая принципиальная установка, а зафиксированные совместно и на высшем уровне понимания должны быть на деле положены в основу внешней политики двух государств. Коль скоро признается, что ядерная война по своему характеру не может служить достижению каких бы то ни было рациональных целей, значит, тем сильнее должен быть стимул в пользу ее предотвращения, прекращения испытаний средств ее ведения, полной ликвидации накопленных запасов ядерных вооружений. И уж тем более недопустимо открывать новые направления гонки вооружений.

Предлагая сейчас детально разработанную концепцию движения к будущему без ядерного оружия, Советский Союз на практике выполняет то, о чем было достигнуто понимание в Женеве. Мы ожидаем и от американской стороны серьезной готовности приступить, наконец, к политическому решению проблемы ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду. Пока же, к сожалению, мы получаем от США лишь неудовлетворительные ответы на наши предложения.

Советская делегация приняла к сведению заявление представителя КНР 13 февраля, подтвердившего позицию Китая о том, что после того, как Советский Союз и

(Г-н Исразлян, СССР)

Соединенные Штаты прекратят испытания, совершенствование и производство ядерного оружия, а также на 50 процентов сократят все виды своего соответствующего ядерного оружия и средств его доставки, другие ядерные державы также должны прекратить испытания, совершенствование и производство ядерного оружия, а также сократить в соответствии с согласованными пропорциями и процедурой свои соответствующие ядерные арсеналы. Интерес на Конференции вызвал также представленный китайской делегацией документ, содержащий заявление премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна 21 марта с.г. по вопросам ядерного разоружения.

Руководители Англии и Франции, как известно, также неоднократно высказывали готовность их стран внести на определенных условиях свой вклад в процесс ядерного разоружения.

Советский Союз считает реалистичным и практически осуществимым поэтапное сокращение и ликвидацию ядерных арсеналов, так, чтобы были полностью учтены законные интересы безопасности участников таких сокращений. Справедливость требует, чтобы первый решающий шаг был сделан Советским Союзом и США, располагающими наиболее крупными ядерными потенциалами, чтобы за ними последовали остальные ядерные державы.

Мы предлагаем в программе, чтобы Англия, Франция и Китай начали сокращать свои ядерные вооружения на втором этапе, после того, как СССР и США сократят, и не просто существенно, а в два раза, свое стратегическое и иное ядерное оружие, достигающее территории друг друга, условятся о прекращении любых ядерных взрывов. Сокращение ядерных арсеналов Англии, Франции и Китая началось бы с ликвидации – совместно с СССР и США – тактического оружия, а те ядерные вооружения, которые сами они называют стратегическими, уничтожались бы только на третьем этапе, одновременно с завершением ликвидации ядерных арсеналов СССР и США.

В связи с нашей программой ядерного разоружения поднимается вопрос о соотношении обычных и ядерных вооружений, высказываются соображения о том, что процесс ликвидации ядерного оружия должен осуществляться вместе с необходимыми мерами в области неядерных вооружений. Советский Союз согласен с такой постановкой вопроса. Мы со своей стороны предлагаем к 2000 году освободить нашу планету от химического оружия, запретить любое другое оружие массового уничтожения. В нашем понимании ликвидация ядерного оружия должна сопровождаться и соответствующими стабилизирующими сокращениями обычных вооружений. Мы не намерены действовать так, чтобы, перекрывая одни направления гонки вооружений, развертывать ее на других – будь то в области космических, химических или обычных. Как и в области ядерного разоружения, СССР и США могли бы подать добрый пример и в деле сдерживания гонки неядерных вооружений.

Советский Союз совместно со своими союзниками по Варшавскому Договору неоднократно призывал к проведению конкретных переговоров с целью достижения соглашений об ограничении и сокращении обычных вооружений, будь то на глобальном или региональном уровнях. Могу заверить, что Советский Союз готов пойти в этой области так далеко, как к этому будут готовы его партнеры.

(Г-н Израэлян, СССР)

Г-н Президент, выдвигая программу полной ликвидации ядерного оружия, Советский Союз стремился создать основу для деловых переговоров по практическим мерам, которые последовательно вели бы к достижению этой цели, причем в исторически обозримом будущем. Мы не считаем, что мы предложили что-то легкое для осуществления, не закрываем глаза и на трудности, которые будут ожидать участников таких переговоров. Переговоры — всегда дело непростое. Их успех просто невозможен, если идти на них с багажом конфронтационных намерений, стоять, как на якоре, на позициях силы.

В этой связи выскажу некоторые общие соображения. Со времен образования государств считалось, что безопасность можно обеспечить только военной силой. Философ Гераклит говорил: "Война — отец всех вещей". Времена менялись, развивался прогресс, а культ силы продолжал оставаться. С развитием оружия менялся и характер войн. Они становились все более опустошительными, широкими по размаху, но политика с позиции силы продолжала занимать первое место в межгосударственных отношениях.

Более того, считалось, что только силой оружия можно сохранить мир. Постулат древнеримских легионеров "хочешь мира — готовься к войне" шагал через века. Перед первой мировой войной полагали, что высокие военные потенциалы европейских государств уменьшают опасность возникновения войны, ибо война будет иметь катастрофические последствия. Однако созданная военная машина все-таки пришла в действие, война охватила 38 государств, потери в этой войне составили 10 миллионов убитых. Упование на военную силу в межвоенный период тоже не спасло человечество от нового мирового пожара. Во вторую мировую войну было втянуто уже 72 государства (более 80 процентов населения планеты), в рядах армий сражалось 110 миллионов человек, в ходе войны погибло 55 миллионов человек.

Одной из важнейших особенностей современных войн является стирание грани между фронтом и тылом. Давно прошли те времена, когда армия воевала, а во дворцах своим чередом шли балы. Объектом нападения все чаще становятся гражданские, мирные сооружения, населенные пункты. Растут потери среди мирного населения. Ядерная война, если ее не удастся предотвратить, не обойдет стороной ни одно государство. В результате только прямых эффектов поражения ядерным оружием по меньшей мере половина человечества будет лишена жизни. Одним из последствий ядерной войны будет резкое похолодание — "ядерная зима", в результате которой среда обитания человека изменится настолько, что станет непригодной для выживания. Не менее опасными будут и медикобиологические последствия ядерной войны.

Разве вправе государства не принимать во внимание всех этих факторов при формировании и проведении внешней политики? Однако, несмотря на очевидную угрозу самоуничтожения, у некоторых политических деятелей упование на силу продолжает еще оставаться. Их мышление, очевидно, находится в лучшем случае на уровне прошлого века, когда считалось, что военные победы, приносящие политический выигрыш, достигаются в основном количественным преимуществом либо сабель, либо штыков, либо пушек.

(Г-н Исразлян, СССР)

В Вашингтоне и в некоторых западноевропейских столицах полагают, что количественный фактор не утратил своего значения. В итоге запасы ядерного оружия продолжают увеличиваться. Не меньшее внимание, а скорее большее, придается и качественной стороне дела.

На словах в Вашингтоне вроде и говорят о приверженности ядерному разоружению, о необходимости укрепления международной безопасности, а в делах продолжают руководствоваться все той же злой логикой гонки вооружений, делать ставку на военную силу. В ответ на советский мораторий на ядерные взрывы США демонстративно проводят новые ядерные испытания, поспешно отвергают любые предложения о прекращении испытаний ядерного оружия и даже о проведении переговоров на этот счет. В ответ на предложение о немилитаризации космоса — форсируют программы создания ударных космических вооружений. Говорят о необходимости сделать ядерное оружие "устаревшим", а на практике принимают конкретные планы их беспрецедентного наращивания на ближайшие 20 лет. Этот разрыв между словами и действиями воочию проявляется и здесь, на Конференции по разоружению. Посмотрите, например, какая ситуация сложилась с созданием рабочих органов Конференции для переговоров по всем вопросам, относящимся к ядерным и космическим вооружениям.

Сегодня гонка вооружений идет по восходящей. Более того, ее хотят подстегнуть созданием принципиально новых видов оружия. США не оставляют попыток дополнить арсеналы ударными космическими вооружениями, которые, по замыслам их создателей, должны образовать широкомасштабный противоракетный щит. С его помощью надеются за 2–5 минут уничтожить большую часть стартовавших в ответном ударе ракет. За такое короткое время необходимо обнаружить ракеты, опознать их, распределить цели, осуществить наведение, поразить ракеты и оценить степень поражения. Выполнить это могут только крайне сложные быстродействующие автоматы, компьютеры. Человек будет устранен от принятия решения о начале войны. Разве это не похоже на рецепт самоуничтожения — при чудовищных ядерных арсеналах передавать ответственнейшие политические решения технике, которая, очевидно, никогда не будет обладать 100-процентной надежностью? Можно однозначно сказать, что оружие, вырвавшееся в космос, только приблизит ядерную катастрофу на Земле.

Г-н Президент, поставим прямой вопрос — выполняет ли Конференция по разоружению свою задачу быть форумом деловых и практических переговоров по прекращению гонки ядерных вооружений, по переходу к их ликвидации? Правдивый ответ может быть только один — отрицательный. Есть, наверное, те, у кого такое положение не вызывает беспокойства, более того, может быть, найдутся и те, кто хотел бы вообще прекратить любые обсуждения вопросов ядерного разоружения на Конференции по разоружению. Могу со всей определенностью заявить, что Советский Союз испытывает чувство глубокого неудовлетворения работой Конференции в последние годы по приоритетному вопросу ее деятельности.

Вместе с тем мы отмечаем, что в нынешнем году создавалась во многом новая обстановка на Конференции вокруг вопроса о ядерном разоружении. Советский Союз внес всеобъемлющую конкретную программу поэтапного ядерного разоружения. С рядом

(Г-н Исраэлян, СССР)

важных инициатив по ядерному разоружению выступили лидеры шести государств — Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании, Швеции. И другие государства, в том числе и в этом году, высказывали свои суждения по этому актуальнейшему вопросу. Об интересе к этому вопросу свидетельствуют и многочисленные выступления по пункту 2 повестки дня Конференции. Изучив выступления делегаций по вопросам ядерного разоружения, в частности их комментарии нашего предложения, делегация СССР со своей стороны хотела бы поставить ряд вопросов, с тем чтобы конкретнее представлять позиции других участников Конференции.

1. Готовы ли США представить программу практических мер по ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду на основе переговоров и соглашений?

2. Какие конкретные параметры имеют в виду Англия и Франция для сокращений советского и американского ядерного оружия, которые позволили бы им присоединиться к процессу ядерного разоружения?

С аналогичным вопросом мы обращаемся и к делегации КНР.

3. Мы также хотели бы спросить, как представляет китайская делегация практическую подготовку созыва предложенной КНР широкопредставительной международной конференции по ядерному разоружению с участием всех ядерных государств?

4. Делегация ФРГ отметила, что "на начальном этапе нашей ежегодной работы задача должна заключаться в более четком и более активном определении взаимосвязи между двусторонним контролем за вооружениями и многосторонним процессом разоружения в рамках Конференции по разоружению". Какую практическую роль, по мнению делегации ФРГ, могла бы сыграть Конференция по разоружению на нынешнем этапе в деле переговоров по ядерному разоружению? Как Конференция, в рамках пункта 2 ее повестки дня, должна "дополнять и подкреплять" двусторонние усилия?

5. Глава делегации Японии выразил надежду, что диалог между СССР и США "не только создаст положительный психологический климат, но и приведет к конкретным результатам, содействуя также обсуждению и переговорам на таком многостороннем форуме, как Конференция по разоружению. Мы же, — заявил он, — намерены приложить для этого все усилия". Каким образом это намерение делегация Японии думает реализовать по пункту 2 повестки дня Конференции?

6. На Конференции существует практически единодушное мнение о важности взаимодополнения двусторонних и многосторонних переговоров по ядерному разоружению. В этой связи ряд делегаций, в том числе Аргентины, Индии, высказывались за то, чтобы СССР и США информировали участников Конференции о ведущихся ими переговорах. Как известно, 28 февраля сего года руководитель делегации СССР на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям провел встречу с делегациями государств — членов Конференции по разоружению, в ходе которой они были ознакомлены с нашей оценкой состояния дел на этих переговорах. Эта встреча получила положительную оценку ее участников. С учетом этого сейчас, наверное, можно было бы четко ответить на вопрос о том, какие аспекты ядерного разоружения могли бы рассматриваться на Конференции, в чем

(Г-н Исраэлян, СССР)

конкретно состоял бы вклад Конференции в достижение цели ядерного разоружения. Советская делегация с интересом заслушает соображения, которые имеются у делегаций по этому вопросу.

7. Многие делегации, в том числе Австралии, Алжира, Египта, Шри Ланки, Нигерии, Марокко, призывали активизировать деятельность Конференции по пункту 2 повестки дня, особенно с учетом некоторых обнадеживающих событий прошлого и начала нынешнего годов. Представитель Аргентины следующим образом суммировал эти настроения: "В этот особый момент, характеризующийся возобновлением диалога между Соединенными Штатами и Советским Союзом, необходимо, по нашему мнению, также активизировать и многосторонние переговоры. Нужно и должно придать политический импульс дебатам и переговорам по вопросам разоружения на нашей Конференции". Что конкретно имел в виду представитель Аргентины?

8. Представитель Индии, отметив всю сложность проблем, связанных с рассмотрением многосторонним форумом вопроса о ядерном разоружении во всех его аспектах, выразил убеждение, что эти проблемы можно решить только путем обсуждения их на систематической основе и устранения существующих разногласий. Как представляет себе "систематическое обсуждение" вопроса о ядерном разоружении на Конференции представитель Индии?

9. Представитель Пакистана высказал намерение представить детальные замечания, если и когда конкретные элементы советской программы будут обсуждаться. Советская делегация с интересом ожидает этих замечаний.

Это лишь некоторые из тех вопросов, которые возникли у советской делегации в связи с обсуждением на Конференции вопросов ядерного разоружения. Мы констатируем, что на нынешней сессии по существу уже завязался диалог, обмен мнениями по этим вопросам. Однако проходит он, надо прямо сказать, в неорганизованной форме, из-за чего многие вопросы остаются без ответов, а высказываемые соображения порой повисают в воздухе. Конечно, наилучшей формой придать целенаправленность начавшемуся диалогу по вопросам ядерного разоружения было бы скорейшее начало в рамках Конференции многосторонних переговоров о прекращении гонки ядерных вооружений и ядерном разоружении, создание вспомогательного органа Конференции с мандатом на ведение таких переговоров, за что выступают группа социалистических государств и Группа 21. Нам известна и оппозиция группы западных стран этому предложению, своеобразная боязнь некоторых из них дать согласие на переговоры по ядерному разоружению.

Что касается Советского Союза, то мы считаем, что Конференция по разоружению должна приступить к широкому и всестороннему обсуждению поэтапной программы полной ликвидации ядерного оружия, в ходе которого все участники Конференции могли бы высказать свое мнение и суждения, которые содействовали бы реализации этой программы. Настало время обеспечить переход к организованной, целеустремленной, углубленной работе по приоритетному вопросу повестки дня Конференции "Прекращение гонки ядерных вооружений и ядерное разоружение". Советская

(Г-н Исраэлян, СССР)

делегация готова к такой работе. Мы ждем позитивной реакции, реакции, которая не разочаровала бы международное сообщество, показала бы ответственный подход к судьбам человечества. Реакции, которая обосновывалась бы на уважении к Конференции по разоружению, которая позволила бы восстановить ее авторитет.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Советского Союза за его выступление и теплые слова в адрес Президента. Сейчас я предоставляю слово представителю Венгрии Его Превосходительству послу Мейстеру.

Г-н МЕЙСТЕР (Венгрия) (перевод с английского): Разрешите мне прежде всего выразить искреннее удовлетворение моей делегации и вновь приветствовать Вас в этом зале. Нас обнадеживает тот факт, что в последний месяц нашей весенней сессии пост Президента занимает человек, который столь много раз демонстрировал свои выдающиеся дипломатические способности и опыт. Мне хотелось бы заверить Вас в полной поддержке и сотрудничестве моей делегации в ходе выполнения Вами функций Президента Конференции по разоружению. Разрешите мне одновременно поблагодарить Вашего предшественника посла Клеркса из Бельгии, который занимал этот пост в марте месяце.

Сегодня мне хотелось бы посвятить свое выступление вопросу о запрещении химического оружия. В сущности я хочу затронуть два вопроса, решение которых, по мнению делегации Венгрии, имеет исключительно важное значение для конвенции по химическому оружию вообще и для содействия конструктивным переговорам в Специальном комитете по химическому оружию в частности.

Первый вопрос можно свести к следующему: нужно ли ликвидировать материальную базу химического оружия с целью обеспечить такое положение, при котором будущий режим разоружения в области химического оружия мог бы обеспечить соответствующие гарантии против возможного применения химического оружия?

Второй вопрос также можно изложить в следующей сжатой формулировке: нужно ли и можно ли ограничивать определенные виды деятельности в рамках химической промышленности с целью обеспечения жизнеспособности и эффективности будущего режима разоружения в области химического оружия?

Все мы хорошо знаем, что в Женевском протоколе 1925 года с присущим ему противоречием сделана попытка обеспечить запрещение применения химического оружия, оставляя в то же время в неприкосновенности его разработку, производство, накопление и размещение. То есть он оставил в неприкосновенности наиболее важные звенья цепи приобретения боевого химического потенциала и лишь попытался ликвидировать, в форме юридического запрещения, последнее звено: возможное применение такого оружия.

С самого начала, не считая лишь двух-трех исключений, предпринимались попытки разрешить такое противоречие не путем усовершенствования режима ограничения вооружений, а путем поиска безопасности посредством индивидуальных мер, то есть путем химического вооружения. Создавались все более разрушительные виды химического оружия, накапливались все более крупные запасы, развивались все более совершенные средства доставки. Вследствие их неуклонного совершенствования — а этого как раз нужно было избежать — вероятность применения химического оружия по существу еще больше возросла.

(Г-н Мейстер, Венгрия)

Банальным, казалось бы, доводом в пользу переговоров здесь, на Конференции по разоружению, стало признание того, что дистанция между боевым химическим потенциалом и его вероятным применением опасно сокращается и в критической ситуации этот процесс может, по сути дела, стать спонтанным и необратимым. Тем не менее последствия такого признания не только содействуют нынешним переговорам, но и стимулируют создание новых вооружений в попытке найти решение этой дилеммы с помощью программы бинарного химического оружия. Как показывают политические дебаты последних лет в Соединенных Штатах, есть два основных довода в пользу бинарного оружия: один из них заключается в том, что такое оружие стимулирует переговоры по химическому разоружению, а второй - что оно укрепляет процесс сдерживания.

Даже беглый анализ первого аргумента показывает, что в действительности сложившаяся ситуация подтверждает необходимость ускорения переговоров, однако такое ускорение следует обеспечить отнюдь не за счет программы бинарного оружия. Позвольте мне объяснить почему. В одном из предыдущих выступлений моя делегация имела возможность перечислить те специфические черты, которыми обладает бинарное оружие: его компоненты могут быть получены в гражданской химической промышленности в больших количествах в сжатые сроки, при низких затратах и без какого-либо риска, а их хранение и манипулирование позволяют обеспечить беспрепятственную их транспортировку между тылом передовой и развертывание на передовой. Вследствие этих характеристик такое оружие позволило бы укрепить индивидуальную безопасность, повысив, как никогда раньше, вероятность применения такого оружия. Таким образом, индивидуальная "безопасность" - если ее можно так назвать - будет обеспечена при более высоком, чем прежде, уровне взаимной угрозы, да тут уж и нельзя было бы говорить о безопасности. Следовательно, осуществление программы производства бинарного оружия еще раз эмпирически доказало бы, что путь к выходу из тупика отсутствия взаимной безопасности пролегает через переговоры.

Однако действительно ли нам нужно такое практическое доказательство тезиса, который является настолько ясным и который столь явно подтверждается гонкой ядерных вооружений? Действительно ли нам нужно еще раз заходить в тупик в бесконечном лабиринте гонки вооружений? Действительно ли нам нужно ту цену с точки зрения экономики, политики и безопасности, которая неизбежно вытекает из этого? Делегации Венгрии хотелось бы верить, что нам этого не предстоит.

Несовершенство существующего режима разоружения и сдерживания в области химического оружия побудило государства сделать следующий вывод: для обеспечения общей безопасности недостаточно лишь отсечь конечное звено той цепи, которая соединяет присущие государствам возможности для приобретения боевого химического потенциала с возможным применением химического оружия в боевых условиях. Необходимо отсечь и другие звенья, а именно: разработку, производство, накопление запасов, передачу и развертывание, - и тем самым максимально увеличив разрыв между двумя конечными точками - присущим потенциалом и химической войной. Такое признание нашло подлинное отражение в мандате нашего Комитета по химическому оружию и закладывает основу для наших переговоров.

В результате полного запрещения химического оружия по возможности максимально увеличилась бы такая дистанция - так называемый временной разрыв, - а это

(Г-н Мейстер, Венгрия)

в свою очередь дало бы каждому государству - участнику конвенции уверенность в том, что никакое другое государство-участник не сможет обладать такими запасами или средствами, которые могут иметь потенциал и быть достаточными в военном отношении для ведения боевых действий с применением химического оружия. Это также дало бы уверенность в том, что никакое государство-участник не будет пытаться создать такие запасы или средства, полностью осознавая, что в силу длительного временного разрыва оно неизбежно будет разоблачено и тем самым лишит себя преимуществ с точки зрения безопасности, которые вытекают из взаимно согласованных норм. И наконец, более длительный временной интервал дал бы уверенность в том, что, если какое-либо государство-участник все же попытается приобрести такой запрещенный потенциал для производства химического оружия, оно неизбежно попадет в подстраховочную сеть проверки.

Несмотря на все меры по уничтожению и ликвидации запасов химического оружия и объектов по его производству, будущий режим химического разоружения не может быть стабильным и долгосрочным, если будут оставлены в неприкосновенности определенные альтернативные, важные с военной точки зрения, возможности в рамках химической промышленности. В отдельных случаях такого рода альтернативные каналы могли бы частично или даже полностью воспринять функции ликвидированных звеньев и тем самым восстановить всю цепь.

Подобный "порочный" режим не приведет к той стабильности и общей безопасности, которые мы все ожидаем от конвенции по химическому оружию. Совсем наоборот, он вновь приведет в иной, возможно замаскированной, форме к тому недоверию, индивидуальным поискам безопасности и даже соперничеству, которые характерны для периода, предшествующего заключению конвенции. Единственное отличие состоит лишь в том, что все это будет происходить в рамках конвенции по химическому оружию.

Теперь, г-н Президент, мне хотелось бы перейти ко второму вопросу, который касается необходимости и осуществимости ограничения определенных видов деятельности химической промышленности.

В том что касается разработки и производства, то для химического оружия характерна взаимосвязь военных и мирных целей. Причины этого хорошо известны.

В одних случаях предпринимались усилия по повышению рентабельности путем поиска возможностей для использования в мирных целях определенных химикатов, применявшихся в качестве химического оружия. В других случаях в ходе разработки и производства химикатов в мирных целях были вскрыты военные возможности применения таких химикатов. Еще одним основанием для такой интерпретации является сходство химических структур веществ, используемых в мирных целях и в целях химического оружия, а также определенных производственных мощностей химической промышленности, которые наращиваются в соответствии со все более и более строгими нормами техники безопасности. В результате всего этого складывается такое положение, когда различия между военными и мирными целями фактически сглаживаются, в том, что касается разработки и производства широкого ассортимента химикатов. Все эти виды деятельности в значительной степени переплетаются и перемежаются в рамках так называемых категорий двойного назначения.

(Г-н Мейстер, Венгрия)

Если, конечно, конвенция не направлена на то, чтобы оставить нетронутым фактический боевой химический потенциал, полагаясь на чисто формальные определения, то полное и эффективное запрещение разработки, производства и накопления запасов всех боевых химических соединений в силу наличия химикатов двойного назначения потребует определенного ущемления интересов гражданской химической промышленности. И наоборот, если конвенция будет полностью отвечать интересам гражданской химической промышленности, то возникнет такое положение, когда после уничтожения военного потенциала останется такой потенциал химической промышленности, который может представлять собой важный и существенный с военной точки зрения потенциал для производства химического оружия. Применительно к степени ликвидации объектов и запасов, предназначенных для военных целей, значение такого уникального и вполне наличного боевого химического потенциала возрастет как с военной точки зрения, так и с точки зрения безопасности. Это будет особенно верно в том случае, если произведенные таким образом химикаты будут иметь большое военное значение, объем их производства и производственные мощности будут иметь определенное военное значение. Такая проблема встанет еще более остро, если объем производства и производственные мощности можно будет увеличивать теоретически безо всяких ограничений, ориентируясь исключительно на рост "потребления", которое может быть оправдано мирными целями.

Из вышесказанного со всей очевидностью вытекает, что в абсолютном плане интересы конвенции по химическому оружию потребуют, чтобы после уничтожения военных запасов и производственных мощностей не оставалось никаких параллельных мощностей, имеющих какое-либо военное значение, которые могут дискредитировать цели всей этой меры в области разоружения. С другой стороны, интересы химической промышленности и экономического прогресса, опять-таки в абсолютном плане, потребуют, чтобы использованию химикатов и производственных мощностей для экономических целей не мешали никакие политические, юридические или прочие препятствия, независимо от той угрозы, которую будут представлять такие химикаты и производственные мощности для конвенции по химическому оружию.

Из всего этого можно сделать вывод о том, что в контексте режима химического разоружения невозможно полностью удовлетворить интересы как гражданской химической промышленности, так и конвенции по химическому оружию, не нанеся ущерба той или иной области. Следовательно, задача вполне ясна. Оптимальное решение следует искать с учетом этих конфликтующих интересов путем определенных компромиссов и исключений там, где это возможно. В качестве конкретного проявления таких возможных компромиссов или исключений на некоторые широко применяемые химикаты двойного назначения, такие, как фосген или цианистый водород, рассматриваемые ограничительные режимы распространяться не будут. Таким образом, экономические интересы будут превалировать над соображениями безопасности в случае этих химикатов двойного назначения, которые постепенно утратили свое военное значение с момента их появления в период первой мировой войны.

Противоречия интересов конвенции по химическому оружию и гражданской химической промышленности хорошо отражены разнообразием точек зрения и позиций на переговорах по вопросу о так называемых разрешенных видах деятельности. Предполагается, что в соответствующей главе проекта конвенции будет установлено, каким образом государства - участники конвенции могут разрабатывать, производить,

(Г-н Мейстер, Венгрия)

каким-либо иным образом приобретать, сохранять, передавать и применять токсичные химикаты и их прекурсоры для разрешенных целей.

Несмотря на многолетние переговоры, проблема регламентации двух наиболее важных категорий - сверхтоксичных смертоносных химикатов и ключевых компонентов бинарных систем - по-прежнему остается неразрешенной, хотя именно это является кардинальным вопросом по отношению не только к разрешенной деятельности, но и ко всей конвенции. Что касается конкретных позиций на переговорах, то здесь по-прежнему сохраняются разногласия по следующим аспектам: помимо ограничения защитных целей, следует ли каким-либо образом ограничивать другие разрешенные цели, а также производство и приобретение сверхтоксичных смертоносных химикатов и ключевых компонентов бинарных систем.

Социалистические страны предложили ограничить суммарное количество сверхтоксичных смертоносных химикатов и ключевых компонентов бинарных систем для разрешенных целей максимально низким количеством, которое во всяком случае не должно превышать одной метрической тонны в год для каждого государства-участника, а производство таких химикатов для разрешенных целей сконцентрировать на единичном мелкомасштабном объекте. Они предлагают осуществлять контроль за деятельностью мелкомасштабных объектов по производству путем ежегодного представления данных с соответствующими пояснениями, путем установки на местах приборов и путем проведения систематических международных инспекций на месте. Они предусматривают также запрещение производства соединений с метилофосфорной связью.

Некоторые другие делегации не согласны с концепцией ограничения производства и приобретения в разрешенных целях химикатов, принадлежащих к ранее упомянутым категориям и имеющих оправданное гражданское применение. Они выступают лишь за контроль за всеми объектами по производству сверхтоксичных смертоносных химикатов путем регулярного представления данных, которые бы включали описание и пояснения в отношении гражданского использования производимого химиката, а также путем проведения систематических международных инспекций на месте.

Давайте сопоставим теперь практическую осуществимость этих двух подходов и их возможные последствия.

Кардинальный вопрос заключается в том, следует ли вообще ограничивать производство в разрешенных целях сверхтоксичных смертоносных химикатов и потенциальных бинарных компонентов. Противники ограничения постоянно ссылаются на повелительные экономические реальности и необходимость беспрепятственного развития химической промышленности. Как ни странно, но, помимо неких планов производства определенных сверхтоксичных смертоносных соединений, они не могут привести случаев существенно-текущего производства, которые оправдывали бы разработку общего правила о неограничении. Несмотря на это, они принципиально исключают возможность введения каких-либо ограничений в области химической промышленности. Правомерен ли такой подход? Есть ли прецеденты ограничения по каким-либо соображениям экономически выгодной деятельности? Есть ли такие прецеденты в области химической промышленности?

(Г-н Мейстер, Венгрия)

Да, такие прецеденты действительно есть. Как применительно к экономической деятельности в более широком плане, так и применительно к химической промышленности, в частности. Как правило, такие прецеденты связаны с введением ограничений по соображениям охраны здоровья и защиты окружающей среды.

Строгие нормы в области защиты окружающей среды, применяемые в широких масштабах в автомобильной и в тяжелой промышленности, являются теми последними примерами, которые демонстрируют, как далеко может идти регламентация промышленной деятельности с целью удовлетворения общих интересов. В химической промышленности также постоянно предпринимаются усилия, с тем чтобы найти замену определенным категориям химикатов и изменить направление деятельности определенных отраслей химической промышленности. Так, например, многие химические исследовательские группы работают над получением инсектицидов, а именно селективных, с низким уровнем токсичности для млекопитающих, с тем чтобы заменить ими некоторые используемые сейчас высокотоксичные инсектициды.

Поскольку сегодня сверхтоксичные смертоносные химикаты не производятся в разрешенных целях в широких масштабах, сейчас химическая промышленность находится на распутье. Она пока еще может с минимальными потерями выбрать такое направление своего развития, которое было бы наиболее оптимальным не только с точки зрения экономики. Людвигшафен, Дербшир, Савезо и совсем недавно Бхопал — вот примеры последствий, к которым могут привести катастрофы в химической промышленности как для работников предприятий, так и для окрестных жителей. Попытки ограничения до минимального уровня производства наиболее опасных химикатов могут оказаться тем более оправданными, что существуют сверхтоксичные смертоносные химикаты, в сотни раз более смертоносные, чем метилизоцианат, — вещество, от которого в Бхопале за один только день погибло свыше 2 500 человек и было ранено около 100 000 человек.

Переходя теперь к примерам норм и ограничений, влияющих на деятельность химической промышленности, следует особо упомянуть меры контроля, которые приняли многие страны с целью запрещения или строгого ограничения использования или транспортировки пестицидов в интересах охраны здоровья и защиты окружающей среды. Наиболее известным примером в этом отношении является ДДТ. Озабоченность по поводу воздействия фосфатов на процесс эвтрофикации водных ресурсов привела, например, к заключению Европейского соглашения об ограничении использования определенных видов мощных средств в продукции для стирки и чистки, которое было подписано в 1968 году под эгидой Европейского совета.

В 1971 году Совет Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ввел процедуру уведомления и консультаций по мерам контроля за веществами, влияющими на здоровье человека и окружающую его среду. На 1984 год было подано 36 уведомлений о таких мерах. В сущности, ограничения, запреты и нормы, применяемые на национальном уровне в отношении вредных химикатов и небезопасных фармацевтических препаратов, получили настолько широкое распространение, что в 1983 году в докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о законодательстве и механизмах, существующих на региональном, национальном и международном уровнях для получения и обмена информацией о запрещенных вредных химикатах, можно прочесть следующее: в большинстве из 38 стран, охваченных докладом, существуют учреждения по обзору и анализу научно-технической информации о запрещенных вредных химикатах и небезопасных фармацевтических препаратах.

(Г-н Мейстер, Венгрия)

Правовые и административные ограничения, запреты и нормы в отношении потенциально токсичных химикатов в настоящее время распространены в таких больших масштабах, что возникла необходимость в координации на международном уровне деятельности по обмену информацией о запрещенных вредных химикатах. Последние события, представляющие в этой связи особый интерес, включают план заблаговременного уведомления в отношении запрещенных или строго ограниченных химикатов, предложенный Специальной рабочей группой экспертов Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде; разработанный ОЭСР проект руководящих принципов в отношении обмена информацией относительно экспорта запрещенных или строго ограниченных химикатов; деятельность Организации американских государств (ОАГ) по подготовке перечня веществ, запрещенных или строго ограниченных в Соединенных Штатах Америки.

В декабре 1983 года среди правительств был распространен доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о товарах, вредных для здоровья и окружающей среды. Прилагаемый к нему сводный перечень содержит унифицированную информацию о важных решениях ограничительного характера (запреты, изъятия, неутверждения и строгие ограничения), принятых 60 правительствами в отношении фармацевтических, сельскохозяйственных и промышленных химикатов и потребительских товаров. И хотя такой перечень не дает полной сводки решений, принятых этими правительствами, в нем фигурирует почти 500 химикатов.

Все эти факты со всей очевидностью подтверждают, что ограничение деятельности химической промышленности не является чем-то новым или уникальным. Наоборот, такие ограничения действительно существуют, ограничивая в больших масштабах деятельность химической промышленности. Но верно и то, что пока они служат лишь цели охраны здоровья, предотвращения несчастных случаев на производстве и защиты окружающей среды. Однако, если вред, наносимый химикатами здоровью и окружающей среде, может оправдать экономические жертвы с целью его устранения, то вполне естественно задать вопрос о том, не будет ли вред, причиняемый определенными химикатами "здоровью" будущего режима разоружения в области химического оружия и "среде международной безопасности", оправдывать определенные жертвы, если на них нужно будет пойти.

Сопоставление существующей практики и позиций на переговорах показывает, что некоторые страны даже в принципе и слышать не хотят о том, чтобы во имя разоружения и в интересах международной безопасности пойти на то, что они широко применяют на практике для охраны здоровья и защиты окружающей среды. В то же время даже поверхностный взгляд на соответствующие разделы бюджета тех же самых государств показывает, что безопасность, если судить исходя из финансовых "жертв" на военные цели, будет ненамного отставать от охраны здоровья и защиты окружающей среды, а в некоторых случаях и очень мало.

Допустим теперь, что предлагаемые ограничения на производство потребуют определенных жертв, хотя в отсутствие производства сколь-либо значительных объемов соответствующих химикатов такое допущение остается лишь чистой абстракцией. Оправданно ли измерять затраты на такие ограничения исключительно с точки зрения экономических потерь для отдельно взятой страны? На этот вопрос нельзя не ответить отрицательно. Предполагаемое регулирование следует рассматривать с точки зрения рентабельности и измерять не только с точки зрения экономики, но и с

(Г-н Мейстер, Венгрия)

точки зрения безопасности и политики, и оценивать не на индивидуальной, а на коллективной основе. Возможные преимущества могут быть связаны и с режимом неограничения производства. Однако будут ли они оправдывать такое производство, если их оценивать с точки зрения дополнительных финансовых затрат и затрат рабочей силы, необходимых для удовлетворения всевозрастающих потребностей, связанных с контролем за таким производством?

Оправдают ли такие возможные преимущества подобное производство, если их оценивать с точки зрения расходов, которые могут повлечь за собой неослабные усилия по химической защите? Неопределенность в отношении существующего у противника потенциала может легко подорвать доверие даже в рамках режима химического разоружения и предотвратить любое сокращение усилий по защите или, что еще хуже, привести к дальнейшему их наращиванию. Судя по имеющимся данным, такие усилия по защите могут потребовать несколько миллиардов долларов.

Будут ли вышеупомянутые возможные преимущества оправдывать такое производство, если их рассматривать с точки зрения издержек в результате взаимной подозрительности, вызванной постоянно возрастающим потенциалом химического оружия у противников.

И наконец, будут ли подобные возможные преимущества оправдывать такое производство, если их рассматривать с точки зрения возможных издержек в области политики и безопасности, - издержек, которые невозможно подсчитать? Такого рода издержки могут быть вызваны положением, при котором, в отсутствие взаимного доверия, государства приступят к скрытной гонке вооружений под покровом мирной деятельности в области химической промышленности и в рамках конвенции по химическому оружию, а это сделает бессмысленным весь процесс химического разоружения.

Никакие меры проверки не смогут полностью застраховать от такой возможности, поскольку проверка может лишь подтвердить, соблюдаются или нет квоты оправданного производства и приобретения. Однако такая мера не сможет помешать злоупотреблению наличным потенциалом или, по меньшей мере, не сможет остановить цепную реакцию недоверия, вызванную озабоченностью по поводу всевозрастающих возможностей противника по приобретению боевого химического потенциала, а также по поводу постоянно сокращающегося периода времени, необходимого для принятия надлежащих ответных мер. Как указывается в переданном недавно Австралией рабочем документе о перенаправлении сверхтоксичных смертоносных химикатов, перенаправление химикатов, производимых в тысячах тонн в год, может произойти уже за пределами предприятия. Подобная возможность лишь увеличивает сомнения в отношении целесообразности установления режима производства, не ограничивающего сверхтоксичные смертоносные химикаты и возможные соединения бинарных компонентов.

Мне хотелось бы сослаться на выступление, сделанное в 1969 году в ходе слушаний в конгрессе США, с тем чтобы нарисовать хотя бы примерную картину того, что может означать наличие готовых мощностей по производству бинарного оружия, даже если и существует законное оправдание для их существования:

"Переход к производству бинарного оружия означал бы, что с точки зрения темпов производства нервно-паралитического оружия ограничивающим фактором

(Г-н Мейстер, Венгрия)

будут уже не темпы возможного производства химикатов, а темпы возможного производства боеприпасов, а это уже гораздо меньшее препятствие".

Г-н Президент, суммировать возможные ответы на два вопроса, которые я поставил в начале своего выступления, можно следующим образом:

Первое: Жизнеспособность и эффективность будущего режима химического разоружения может быть гарантирована только путем максимального увеличения дистанции или временного разрыва между боевым химическим потенциалом и возможным применением химического оружия. Устранение таких звеньев, как разработка, производство и накопление запасов в военных целях из цепи химических вооружений могло бы иметь ограниченное значение, если в рамках химической промышленности сохраняются альтернативные боевые химические потенциалы, имеющие военное значение и способные восстановить - частично или полностью - недостающие звенья этой цепи.

Второе: Настоятельно необходимо, с одной стороны, - причем прецеденты тут уже есть, - ввести определенные ограничения на некоторые виды деятельности химической промышленности с целью обеспечения жизнеспособного режима химического разоружения. Именно благодаря искусству и новаторству участников переговоров, проходящих здесь, в Женеве, нужно будет обеспечить такой учет потребностей будущего режима химического разоружения, который бы свел к минимуму возможные индивидуальные экономические издержки и в то же время максимально гарантировал бы общие преимущества, которые будут вытекать из такого режима.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Венгрии за его выступление и теплые слова в адрес Президента. Сейчас я предоставляю слово Генеральному секретарю Конференции послу Коматине, который хочет сделать заявление в связи с финансовым положением Организации Объединенных Наций.

Г-н КОМАТИНА (Генеральный секретарь Конференции по разоружению) (перевод с английского): Я вновь взял слово, чтобы сообщить членам Конференции дополнительную информацию о последствиях финансового положения Организации, мер, принятых для обеспечения необходимого сокращения расходов на обслуживание конференций, и выдвинуть в этой связи некоторые предложения.

Очевидно, как и в предыдущих случаях, я считаю целесообразным также информировать Конференцию об использовании средств Конференции в ходе ее сессии 1986 года по состоянию на 4 апреля. За этот период Конференция не использовала 247 часов и 20 минут полного конференционного обслуживания. Как я отмечал в моем предыдущем выступлении, недоиспользование ресурсов может привести к пересмотру ассигнований, выделяемых Конференции.

Я уже информировал вас о различных мерах, предпринятых Генеральным секретарем, которые привели к значительному сокращению ряда услуг, предоставляемых Отделением Организации Объединенных Наций в Женеве, и в частности Отделом по обслуживанию конференций. Эти сокращения были совершенно необходимы для согласования расходов с имеющимися ресурсами. Согласно проведенным расчетам Отдел по

(Г-н Коматина, Генеральный секретарь
Конференции по разоружению)

обслуживанию конференций может не справиться с программой конференций, утвержденной для Отделения Организации Объединенных Наций в Женеве в 1986 году. Поскольку дело обстоит именно так, к нам обратились с просьбой четко придерживаться, начиная с настоящего момента, конкретных правил, которые, хотя уже и были в некоторых случаях в силе, тем не менее до настоящего времени толковались вольно. Некоторые меры также непосредственно связаны с характером работы Конференции по разоружению и потребуют сотрудничества ее членов.

В этой связи я хотел бы информировать вас о существующих правилах, касающихся документации:

1. В своей резолюции 33/56, принятой путем консенсуса, Генеральная Ассамблея настоятельно призвала межправительственные органы "помнить о необходимости сведения запросов на документы до минимума, необходимого для эффективного ведения их работы и в рамках имеющихся у Секретариата ресурсов" и "стремиться подготавливать как можно более краткие доклады".

2. В своей резолюции 2538 (XXIV), принятой путем консенсуса, Генеральная Ассамблея предложила правительствам государств-членов "сократить как число, так и объем документов, представляемых на обработку, за исключением тех ..., которые явно относятся к обсуждаемому пункту", а в своем решении 38/401, принятом без голосования, Ассамблея призвала все государства-члены проявлять максимальную сдержанность при запросах о распространении материалов в качестве официальных документов.

3. В той же резолюции 33/56 Генеральному секретарю предлагается "обращать внимание межправительственных органов на области, в которых может происходить дублирование документации ...".

4. Генеральная Ассамблея постановила в резолюции 37/14 С, принятой путем консенсуса, что Конференция по разоружению имеет право на составление стенографических отчетов при том понимании, что она "получает стенограммы всего текста заявлений, сделанных и проверенных заинтересованными делегациями", но без использования стенографов, от услуг которых этот орган переговоров отказался более чем десять лет тому назад. Однако на практике при подготовке стенографических отчетов секретариат Конференции по разоружению сверяет письменный текст с устным выступлением, чтобы выявить несоответствия, и записывает неподготовленные выступления, с тем чтобы должным образом зарегистрировать весь ход пленарного заседания. Выполняя эти функции, секретариат выходит за рамки своих обязанностей. Мы приветствуем усилия делегаций, направленные на обеспечение подготовленных выступлений на пленарных заседаниях, и надеемся, что эта практика будет продолжена. В случае непредвиденных выступлений мы будем признательны, если такие заявления будут краткими.

5. Можно ожидать, что в результате финансовых ограничений на обработку стенографических отчетов техническими службами может потребоваться немного больше времени. Для того чтобы ликвидировать трудности, которые могут возникнуть в этой связи, и в соответствии с упомянутой выше резолюцией 37/14 С секретариат

(Г-н Коматина, Генеральный секретарь
Конференции по разоружению)

Конференции по разоружению организует предоставление заинтересованным делегациям магнитофонных записей заседаний в случае, если им потребуется уточнить ход конкретного пленарного заседания до опубликования отчетов.

В связи с некоторыми практическими мероприятиями возможного совершенствования хода нашей работы и обеспечения определенной экономии в ходе ее осуществления я хотел бы предложить членам Конференции оказать нам помощь в осуществлении некоторых других мер:

1. Мы надеемся, что по возможности члены будут записываться для выступлений заранее, поскольку список ораторов играет ключевую роль в проводимом секретариатом планировании продолжительности пленарных заседаний, и будут оказывать помощь в эффективном использовании ресурсов Конференции. Представляется также крайне целесообразным указывать число страниц каждого выступления, хотя мы понимаем, что такую информацию можно сообщить лишь в самый последний момент.

2. Я хотел бы также предложить членам Конференции пересмотреть и по возможности сократить объем официальной документации на различных языках, распространяемой среди делегаций. В качестве примера того, как иногда распространяются документы, позвольте мне информировать вас о том, что даже в случае аккредитации на Конференции специальных делегаций, постоянные представительства этих же стран также получают значительный объем документации Конференции по разоружению.

3. В соответствии с установившейся практикой, все информационные документы будут издаваться лишь на английском языке, за исключением списка участников, который в соответствии с практикой Организации Объединенных Наций издается в качестве отдельного документа на английском, французском и испанском языках.

4. Выступления на пленарных заседаниях не должны переиздаваться в качестве официальных документов Конференции.

5. Все документы будут распространяться на заседаниях Конференции и ее вспомогательных органов лишь один раз.

6. Письма нечленов, касающиеся их участия в работе Конференции, будут по-прежнему распространяться неофициально, но лишь на языке оригинала, за исключением тех случаев, когда делегация обратится со специальной просьбой о его переводе на другой официальный язык. Тексты этих писем не обязательно распространять в качестве официальных документов Конференции. За исключением этих изменений, процедура, касающаяся сообщений от нечленов, останется прежней.

7. Секретариату не следует повторно издавать или распространять в какой-либо другой форме материалы, уже распространенные в качестве официальных документов Конференции. Несомненно, члены Конференции, если они пожелают, могут предоставлять секретариату дополнительные экземпляры таких документов, с тем чтобы обратить на них внимание Конференции.

8. В связи с выполнением рекомендаций, касающихся сведения к минимуму запросов на официальные документы, я был бы признателен делегациям, если бы они смогли

(Г-н Коматина, Генеральный секретарь
Конференции по разоружению)

установить тщательный контроль над объемом документов, которые они представляют. У Конференции великолепная репутация в этом отношении, и технические службы признательны за то, каким образом делегации ведут работу. Однако мы могли бы утвердить эту практику, достигнув договоренности, что любой объемный документ будет распространяться лишь на языке оригинала с краткой сопроводительной запиской на всех языках, содержащей условное обозначение Конференции по разоружению, число и название, как было с документами, представленными Канадой и Финляндией. Члены Конференции возможно пожелают отметить процедуру, которой недавно воспользовались делегации Соединенного Королевства и Союза Советских Социалистических Республик, которые распространили неофициальные документы в зале заседаний.

9. Учитывая имеющиеся правила Организации Объединенных Наций, в частности резолюцию 2836 (XXVI), за которую было подано 85 голосов и ни одного против, и соответствующие положения упомянутой выше резолюции 37/14 С, члены Конференции возможно пожелают принять во внимание, что не следует включать в тексты докладов вспомогательных органов Конференции по разоружению или в приложения к ним материалы, имеющиеся в документах свободного доступа, что эти доклады должны быть как можно более краткими и по возможности не превышать объема 32 страниц. Доклады вспомогательных органов Конференции по-прежнему будут включаться в ее доклад Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

10. Как вы знаете, подготовленные выступления на пленарных заседаниях распространяются среди государств-членов, нечленов и основных служб секретариата, т.е. служб устного перевода, письменного перевода и подготовки стенографических отчетов. Как отмечается в документе, озаглавленном "Основная информация для делегаций относительно мероприятий и документации, связанных с работой Конференции" (CD/INF.1/Rev.14), потребности этих служб составляют не менее 80 экземпляров. Ввиду финансовых ограничений секретариат больше не сможет обеспечивать соответствующее количество экземпляров для полной рассылки, если предоставленное нам число экземпляров значительно меньше того, которое необходимо.

11. В отношении доклада Конференции Генеральной Ассамблеи я хотел бы лишь представить на ваше рассмотрение такие некоторые технические вопросы, как идея отказа от сводного списка участников в работе Конференции, который обычно содержится в добавлении 1 к докладу и прилагается к нему в качестве отдельного документа, поскольку он не содержит существенной информации для тех, на кого ориентирован доклад. Это позволит сократить объем доклада приблизительно на 25-30 страниц. Можно также рассмотреть вопрос о рационализации распространения других добавлений к докладу. В этой связи мы хотели бы предложить следующее.

а) Я хотел бы обратиться к делегациям с просьбой сократить свои требования к добавлениям к докладу до минимально необходимых с их точки зрения при том понимании, что секретариат по-прежнему будет предоставлять комплект переплетенных томов для служебного пользования делегациями. Эти переплетенные тома будут подготовлены на языке, необходимом для конкретных членов Конференции, причем титульный лист будет лишь на английском языке.

(Г-н Коматина, Генеральный секретарь
Конференции по разоружению)

б) Добавления к докладу Конференции по разоружению распространяются в ограниченном количестве в Центральных учреждениях в ходе работы Первого комитета Генеральной Ассамблеи. В этой связи я хотел бы информировать вас о том, что все постоянные представительства в Нью-Йорке на регулярной основе получают экземпляры документации Конференции по разоружению. В настоящее время осуществляется также распространение ограниченного количества добавлений к докладу Конференции по разоружению, издаваемых в Женеве. В этом случае можно сократить документацию, так как она особенно дорого обходится для Организации Объединенных Наций, поскольку добавления отправляются воздушным транспортом, и обычно для их подготовки к началу работы Первого комитета требуется оплата сверхурочных. Ввиду этих расходов и того факта, что постоянные представительства при Центральных учреждениях уже получают все официальные документы Конференции по разоружению, я хотел бы обратиться к членам с просьбой определить, имеется ли по-прежнему необходимость в их повторном распространении.

Делегациям может потребоваться определенное время на обдумывание ряда предложений, которые я выдвинул. Поэтому я предлагаю, чтобы те делегации, у которых возникнут замечания в связи с любыми из этих предложений, как можно скорее передали их непосредственно мне или изложили их в какой-либо другой форме. На основе этих замечаний мы сможем рассмотреть данные предложения на каком-либо неофициальном заседании после проведения одного из кратких пленарных заседаний.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю Генерального секретаря Конференции за его выступление. Я уверен, что члены Конференции должным образом учли его замечания и предложения.

Сегодня по моей просьбе секретариат распространяет расписание заседаний, которые должна будет провести Конференция и ее вспомогательные органы на следующей неделе. Как обычно, это расписание носит сугубо ориентировочный характер и при необходимости может быть изменено. В этой связи мне хотелось бы отметить, что в зависимости от результатов неофициального заседания, которое будет проведено сразу же после этого пленарного заседания, возможно, потребуются некоторые коррективы. Если нет возражений, то я буду считать, что Конференция принимает это расписание.

Я вижу, что слово хочет взять представитель Советского Союза.

Г-н ИСРАЭЛЯН (Союз Советских Социалистических Республик): Благодарю Вас, г-н Президент. Прежде всего хочу выразить удовлетворение сообщением Генерального секретаря. Правда, оно прозвучало несколько в ультимативной форме, но тем не менее соображения, которые были высказаны Генеральным секретарем Конференции, заслуживают внимания. На пятой странице текста его выступления тоже довольно императивно от нас требуют представить комментарии — либо прямо, либо в другой форме. Только потом предполагается провести неофициальное заседание. Считаю, что поднятый вопрос очень важный, он касается многих принципиальных сторон деятельности Конференции по разоружению вообще, в том числе финансовой. У нас есть тоже некоторые соображения, касающиеся работы Секретариата. Я хотел бы предложить,

(Г-н Израэлян, СССР)

г-н Президент, провести неофициальное заседание на следующей неделе по вопросу, который поднят секретариатом, - по финансовым и всем другим аспектам деятельности секретариата. В проекте расписания работы Конференции на будущей неделе неофициальные заседания вообще исчезли. Я предлагаю провести неофициальное заседание на тему, которую поднял Генеральный секретарь, в любой из дней: или во вторник, или в четверг. На этом заседании мы и высказали бы свои комментарии по докладу Генерального секретаря Конференции.

Благодарю Вас.

Г-н КОМАТИНА (Генеральный секретарь Конференции по разоружению) (перевод с английского): Секретариат просил представлять предложения непосредственно Генеральному секретарю или каким-либо иным способом, поскольку, по его мнению, секретариат мог бы обобщить и систематизировать эти предложения и подготовить неофициальное заседание. Конечно, обсуждение этих предложений могло бы проводиться и иначе, что даже облегчило бы работу секретариата.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю Генерального секретаря Конференции за его выступление. Я проконсультируюсь с ним по вопросу о том, как нам лучше поступить и удовлетворить просьбу представителя Советского Союза. Желает ли выступить по этому вопросу еще какая-либо делегация? Если таковых нет, то расписание принимается...

Я вижу, что слово хочет взять представитель Советского Союза.

Г-н ИСРАЭЛЯН (Союз Советских Социалистических Республик): Г-н Президент, я прошу Вас относиться с вниманием к предложениям делегаций. Я внес предложение: провести неофициальное заседание по всему комплексу вопросов, которые были подняты Генеральным секретарем, - либо во вторник, либо в четверг на будущей неделе. Это конкретное предложение, и я хотел бы, чтобы его прокомментировали: приемлемо оно или неприемлемо. Если неприемлемо, то почему. Тогда я буду готов утвердить проект расписания работы Конференции на следующей неделе. А пока советская делегация к предлагаемому Вами консенсусу присоединиться не может. Проживем и без расписания.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Советского Союза за его выступление. Позволю себе напомнить представителю Советского Союза, что я должным образом учитываю любую просьбу любой делегации на этой Конференции, и даже если речь идет о делегации Советского Союза - одной из 40 делегаций - членов этой Конференции, - я должен заручиться консенсусом всех 40 членов на созыв неофициального заседания, что должно быть сделано на официальном заседании. Сейчас я предоставляю слово представителю Австралии.

Г-н БАТЛЕР (Австралия) (перевод с английского): Сегодня я впервые выступаю на пленарном заседании Конференции в этом месяце, когда Вы являетесь ее Президентом, поэтому позвольте мне начать словами о том, какое огромное удовлетворение доставляет моей делегации видеть, что нашей работой руководите Вы. Тот факт, что Вы являетесь Президентом Конференции, придает нам уверенность.

Я хотел бы вкратце остановиться на предложении, выдвинутом уважаемым представителем Советского Союза. Проблемы, которые рассматривались в очередном послании Генерального секретаря по вопросу о финансовом кризисе, — и я считаю, что употребление такого слова правомерно, — переживаемом в настоящее время Организацией Объединенных Наций, имеют очень большое значение. Они заслуживают нашего самого серьезного рассмотрения, и мы весьма тщательно изучим последнее заявление, сделанное сегодня послом Коматиной. Я думаю, что предложение нашего советского коллеги в высшей степени конструктивно, и моя делегация с удовольствием поддерживает его. Я считаю, что рассмотрение проблем, поднятых сегодня Генеральным секретарем, требует определенного времени, и поэтому моя делегация, при выборе между вторником и четвергом, отдает определенное предпочтение проведению заседания в следующий четверг.

Г-н ИСРАЭЛЯН (Союз Советских Социалистических Республик): Я с удовлетворением отмечаю, что уже две из сорока делегаций выступают за проведение неофициального заседания. Так что теперь Вам, г-н Президент, надо узнать мнение остальных тридцати восьми делегаций. Если кто-нибудь из тридцати восьми делегаций возражает против нашего предложения, то тогда это предложение не может быть принято.

Г-н БИСЛИ (Канада) (перевод с английского): Как раз для того, чтобы не терять времени, г-н Президент, и в свете сказанного нам Вами и Генеральным секретарем, я отмечу, что мы с удовлетворением восприняли идею проведения неофициального заседания, однако мы считаем в высшей степени важным надлежащим образом его подготовить, предоставив делегациям достаточно времени для обдумывания некоторых последствий только что выдвинутых предложений. Я мог бы ответить австралийской делегации *d'accord*, и я мог бы ответить делегации СССР относительно вторника — *niet*, а относительно четверга — *da*, но давайте не будем излишне точными и дадим нашему Президенту время спросить о мнениях других. Вопрос этот серьезный, и, вполне очевидно, делегация СССР готова сейчас обсудить его. Мы также были бы готовы сделать это, но если другие еще не готовы, то позвольте нам предложить дать немного времени для выяснения мнений.

Г-н РОЗЕ (Германская Демократическая Республика) (перевод с английского): Моя делегация считает, что перед нами стоит вопрос первостепенной важности и на- сущности, как это указывалось в документе, представленном послом Коматиной; я считаю, что эта проблема хорошо всем нам известна и не нова. Мне представляется, что до четверга будет достаточно времени для подготовки неофициального заседания. Поэтому моя делегация поддерживает предложение о проведении неофициального заседания в следующий четверг.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Прежде чем мы приступим к пространному обсуждению дат, позвольте мне информировать Конференцию о том, что я не готов назначить какую-либо дату сегодня, ибо согласно консультациям с членами Конференции мне предстоит внести на Конференции другие предложения по другим пунктам повестки дня. Поэтому, как я уже говорил, я проведу консультации с Генеральным секретарем и с другими членами Конференции и в свое время - по возможности в следующий вторник - назначу дату проведения заседания по этому вопросу.

Желает ли еще какая-либо делегация взять слово по этому вопросу?

Если таковых нет, то я буду считать, что, независимо от ее утверждения, мы будем придерживаться этой программы в качестве ориентира для нашей работы на следующую неделю.

Я намерен созвать краткое неофициальное заседание сразу же после того, как мы прервем свою работу сегодня. Два вопроса, которые я хотел бы обсудить с вами и в отношении которых кратко поделиться с вами некоторыми соображениями, касаются эффективности работы Конференции и расширения ее членского состава.

Сразу же после закрытия заседания мы созовем через две минуты неофициальное заседание.

Следующее пленарное заседание Конференции состоится во вторник, 15 апреля 1986 года, в 10 ч 30 мин.

Пленарное заседание закрывается.

Заседание закрывается в 12 ч 25 мин.